

А. С. ИЗГОЕВ

О «Смене вех»

В январе месяце в «Доме Литераторов» состоялся доклад А. Изгоева о «Смене вех»¹. Доступ на собеседование был предоставлен лишь членам литературных организаций. Суждения Изгоева о «Смене вех» тем более любопытны, что Изгоев один из участников того сборника «Вехи» продолжателями которого считают себя Ключниковы и Бобрищевы-Пушкины.

Авторы «Смены Вех», говорит Изгоев, призывают работать совместно с советской властью, уверяя, что коммунизм изживается и перерабатывается, а интернационализм служит национальным интересам России. Если бы такие заявления были сделаны Лениным или Троцким, они представляли бы, конечно, большой политический интерес. Но в устах Потехина или даже Устрялова для кого они обязательны? Не выдают ли авторы «Смены вех» бронзовых векселей, платежа по которым не последует?

«Смена вех» проникнута своеобразным славянофильством. Русская революция приобретает у авторов сборника всемирный и вселенский характер, а интернационализм изложен у них языком Достоевского. Старая русская интеллигенция, по мнению нео-веховцев, «без остатка исчерпывает и изживает себя в Ленине, а русская революция призвана предупредить «ужасы мировой революции, которая при спокойном торжестве революционной России легко вылилась бы в мирную и бесполезную эволюцию». Все это очень туманно и фантастично, и напрасно было бы искать ясной и определенной мысли в этих мечтаниях. Не меньшим туманом окутана у авторов «Смены вех» и будущность, ожидающая самое Россию. Ключников уверяет «что Ленин — это та цена, которой куплена новая Россия, а с нею и новая русская интеллигенция». Переделывая ее, великая русская революция

впервые оказалась способной, по выражению авторов «Смены вех», открыть пути дня яркого и могучего русского либерализма, как после нее же впервые становится возможен прогрессивный и устойчивый русский консерватизм». При помощи Достоевского и Ницше, ученик Маркса и Энгельса превратен таким путем в героя Карлейля. Устрялов всецело воспринял одну из основных тактических идей Ленина: если хочешь прыгнуть на полтора аршина, разбегись для прыжка на сажень. «Запрос русской революции к Истории» — идея социализма и коммунизма. Но это, по мнению Устрялова, разбег на сажень лишь для того, чтобы прыгнуть на полтора аршина и допрыгнуть до новой экономической политики. Не приписывает ли, однако, Устрялов, утверждая, что «Москва жертвует коммунизмом, чтобы спасти сонеты», Ленину своих мыслей, за которые Ленин и не думает отвечать?

Исходя из того, что из всех боровшихся в России общественных групп одним большевикам удалось удержать в своих руках власть, авторы «Смены вех» взяли на себя смелость под классовое пролетарской государство поднести национальный внеклассовый фундамент. Принимают ли такую постройку сами коммунисты? Как ни относиться к марксистскому коммунизму, нельзя забывать, что это стройная могучая интернациональная доктрина, соперничающая по своему влиянию на массы с наиболее сильными религиозными учениями. И плохо верится, чтобы в какой бы то ни было момент своей жизни, на подъеме или при спуске, коммунизм обратился к авторам «Смены вех» за идеологической национально-государственной одеждой. Не переоценивают ли они вообще соблазна цезаристских идей и настроений? Старые «Вехи» тоже указывали на мистику государства. Но они были далеки от обожествления государства, а авторы «Смены вех», может быть и бессознательно, обожествляют его. Они напоминают римских республиканцев, обожествляющих своих цезарей. С этой точки зрения «Смены вех» являются одним из симптомов бонапартистских настроений.

Между старыми и новыми «Вехами», при некотором наружном сходстве, по мнению докладчика, огромное принципиальное различие. Перед нами интеллигенция двух разных типов, с разными моральными физиономиями.

Резюмируя свои выводы, докладчик указываем, что, как злободневное политическое выступление, сборник «Смена вех» особенного интереса не представляет. Как попытка использовать коммунизм и на интернационализме построить здание великой России, он наивен. Скрытые же в нем цезаристские соблазны едва ли окажутся столь сильны, как надеются некоторые авторы. Но, как симптом идейного

брожения русской интеллигенции, сборник «Смена веx» и показателен и интересен. Он свидетельствует, что патриотическая тревога все глубже и глубже охватывает русскую интеллигенцию. Рецепты, прописываемые пражскими лекарями, дают, однако, мало надежды на выздоровление больного. Это все старые мечты, что существуют какие-то внешние формы жизни общественной, государственной, интернациональной, которые дадут всеобщее счастье. Это — заблуждение и мятеж. Таких форм общественной, государственной и международной жизни нет. Человек всегда, в конце концов, останется наедине со своим Богом, со своей совестью и перед ними принужден будет держать ответ. И наше участие в общественной, государственной и международной жизни тогда только станет разумным, честным и серьезным, когда в глубине своей души мы обретем непреклонный голос, говорящий: «На этом я стою и не могу иначе.»

Доклад А. С. Изгоева вызвал оживленные прения, в которых приняли участие Н. Д. Соколов², Н. А. Гредескул, П. К. Губер, И. А. Клейнман, В. Ф. Измайлов³, Я. Б. Лившиц⁴, и А. Н. Шебунин⁵.

